

ского реализма. Даже в специальной статье И. П. Еремина, посвященной вопросу о художественной специфике древнерусской литературы,⁶ термин медиевистов «элементы реалистического изображения» связывается только с этой ассоциацией: «Одно указание на то, в чем древнерусская литература совпадает с литературой нового времени, — совпадает, кстати сказать, чисто внешним образом, — без учета коренных различий между ними, может породить независимо от субъективных намерений исследователя ошибочное представление о ней, как о литературе, не имеющей своего собственного художественного лица, привести нас к отрицанию ее качественного своеобразия. Если древнерусскую литературу только за то и ценить, что она якобы обладает некоторыми достоинствами Тургенева и Гончарова, она неизбежно предстанет перед нами в обедненном виде, как „реализм“, но на раннем, младенческом этапе своего развития, как его несовершенная праформа — не более того» (стр. 78).

В этой горячей защите художественного своеобразия древнерусской литературы многое правильно, однако медиевисты, указывающие на наличие реалистических элементов в древнерусской литературе, настойчиво напоминают всегда, что между реалистичностью отдельных сторон изображения и реализмом литературы нового времени существует принципиальная разница. «Некоторые достоинства Тургенева и Гончарова» в них никто не стремится обнаружить, а уж тем более никто не предлагает «ценить древнерусскую литературу» только за ее реалистические элементы. Может быть, пылкость, с какой И. П. Еремин восстает против кажущейся ему излишне высокой оценки значения реалистических элементов древнерусской литературы проистекает из того, что сам он их явно недооценивает, отождествляя ошибочно их содержание с реалиями: «Изображение разного рода реалий действительно занимало в древнерусской литературе значительное место и часто достигало редкой даже на современный взгляд конкретности» (стр. 77), — пишет И. П. Еремин.

Позиция, занятая в споре о реалистических элементах древнерусской литературы таким видным специалистом, как И. П. Еремин, убедительно показывает, что в исследованиях медиевистов нет еще достаточно развернутого анализа самого существа этих элементов, не выяснены причины их появления внутри текста, построенного по «системе только ей (древнерусской литературе, — В. А.-П.) свойственных художественных принципов» (стр. 78), не определены функции их. Вот почему, ни в малой степени не стремясь «подтянуть» к реализму XIX в. особенности реалистического способа познания действительности, вырабатывавшегося в разных жанрах древнерусской литературы, исследователи должны глубже раскрыть своеобразие этих особенностей, показать постепенное, в борьбе осуществлявшееся расширение возможностей реалистического способа изображения, накопление в древнерусской литературе художественного опыта («питательных соков» в определении Белинского), вырастившего через литературу XVIII в. реализм Пушкина.

Исследованию места реалистических элементов в историко-литературном процессе должно быть уделено серьезное внимание не для того, чтобы «радоваться, найдя в произведении средневекового художника либо поэта правдивую, выразительную сценку, живую зарисовку»,⁷ а для того, чтобы представить их как ступень в развитии художественного познания действи-

⁶ И. Еремин. О художественной специфике древнерусской литературы. — Русская литература, 1958, № 1, стр. 75—82. (В дальнейшем в скобках указываются страницы этой статьи).

⁷ В. Асмус. Споры о реализме. — ВЛ, 1957, № 5, стр. 83.